

МЕЛОДИЯ

ШОСТАКОВИЧ
СИМФОНИЯ № 4

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
ДИРИЖЕР — ИВАН НИКИФОРЧИН

МГАСО

Дмитрий Шостакович / Dmitri Shostakovich
Фото: Лев Иванов / РИА Новости / Photo by Lev Ivanov

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ

СИМФОНИЯ № 4 ДО МИНОР, СОЧ. 43

1 I. Allegretto poco moderato 25.29
2 II. Moderato con moto 8.48
3 III. Largo 26.03
Общее время: 60.20

Московский государственный академический симфонический оркестр
Дирижер — Иван Никифорчин

Запись 2026 года
Звукорежиссер — Михаил Спасский

DMITRI SHOSTAKOVICH

SYMPHONY NO. 4 IN C MINOR, OP. 43

1 I. Allegretto poco moderato 25.29
2 II. Moderato con moto 8.48
3 III. Largo 26.03
Total time: 60.20

The Moscow State Academic Symphony Orchestra
Conductor — Ivan Nikiforchin

Recorded in 2026.
Sound engineer — Mikhail Spassky

Иван Никифорчин / Ivan Nikiforchin
Фото: Сергей Прокудин-Лемешев /
Photo by Sergei Prokudin-Lemeshev

ШОСТАКОВИЧ
СИМФОНИЯ №4

«Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?..»
Осип Мандельштам

Спустя полвека после своего ухода и в год 120-летнего юбилея Дмитрий Шостакович остается одной из центральных фигур русской музыкальной ноосферы и именно это делает его художником вневременного масштаба. «…Творчество Шостаковича нам особенно важно было бы понять,— пишет великий математик Игорь Шафаревич,— так как в течение длительной и драматической эпохи (20–50-е годы) оно наиболее ярко выражало *духовную жизнь*. В то время музыка, ввиду неоднозначности ее истолкования и меньшей доступности для контроля властей, играла приблизительно ту же роль, что в последующие десятилетия — Самиздат. И ярче, и глубже всего эта эпоха отразилась как раз в творчестве Шостаковича; как мне кажется, именно его, а не Прокофьева, который умел уходить в какое-то четвертое измерение красоты и иронии и оттуда посмеиваться и над пасомыми и над их властителями…»

«Летописец эпохи», «художник-коммунист» и прочие модные дефиниции останутся на совести тех, для кого удобный ярлык заменяет сущность. А сущность всегда намного сложнее. Шостакович прошел через все мыслимые и немыслимые испытания — огнем, медными трубами, чудовищными унижениями и прижизненной агиографией, «кнутом и пряником»… Но мы часто забываем, что самой большой преградой на пути художника такого масштаба являются не привходящие обстоятельства (трагические или счастливые), а… он сам. Написать Четвертую симфонию, будучи молодым человеком и жить дальше, не погибнуть под тяжестью собственного откровения,— это и есть высокая судьба. В юные годы, в начале 90-х, на собрании какого-то композиторского клуба, я озвучил эту мысль в присутствии Бориса Чайковского — одного из гениальных и лучших воспитанников Шостаковича. Там была достаточно развязная атмосфера. Несколько спикеров с энтузиазмом призывали «стереть, наконец, пыль шостаковичевщины, прокофьевщины и свиридовщины»… Был этот доморощенный футуризм смешным и нелепым. Борис Александрович подошел после собрания, обжигающе крепко пожал руку и сказал: «Именно так. Жить, не тиражируя себя после “Леди Макбет” и Четвертой симфонии — это и есть сила. Сколько там всего!.. Не смущайтесь, через какое-то время они будут с таким же энтузиазмом петь Шостаковичу оды…» Так и случилось.

Чуть менее года назад Иван Никифорчин пришел ко мне и сказал, что к 120-летию Д.Д. Шостаковича директор Московского государственного академического симфонического оркестра Ирина Шигорева инициировала запись любой из симфоний композитора для фирмы «Мелодия». МГАСО — один из лучших коллективов страны — находится в восхитительной форме, и я почти рефлексивно предложил Четвертую — сложнейшую и, на мой взгляд, самую многогранную и совершенную партитуру композитора, в которой сконцентрирована вся мощь его гения. При всей своей яркости Иван Никифорчин поразительно тактичен. Помню его слова: «Не рано ли мне?..» Ответил я быстро: «В самый раз…» Я точно знал, что в случае с этим музыкантом — это не предложение в рост.

ШОСТАКОВИЧ
СИМФОНИЯ №4

Как личность и профессионал экстра-класса он был стопроцентно готов к восхождению на этот оркестровый Эверест. Сомневаться через пару месяцев после нашего разговора стал не он, а я. Вспомнил, как мы играли эту симфонию в четыре руки с Борисом Александровичем Чайковским по партитуре, подаренной ему Шостаковичем, и всё сказанное тогда Чайковским об этом сочинении. Это настоящий оркестровый космос. Кирилл Петрович Кондрашин, впервые исполнивший симфонию в 1961 году, через четверть века после ее создания, попросил Бориса Александровича присутствовать на репетициях перед студийной записью, и тот запомнил многие его ремарки, в том числе и пожелания автора. Дискография этого опуса весьма обширна. Это легендарные студийные и трансляционные записи Кирилла Кондрашина, Бернарда Хайтинка, Юджина Орманди, а также интереснейшие прочтения Мюнг-Вун Чунга, Мариса Янсонса, Карела Анчерла, Неэме Ярви, Герберта Кегеля, Рудольфа Баршая, Геннадия Рождественского, Мстислава Ростроповича, Саймона Рэттла, Валерия Гергиева, Эса-Пекка Салонена, Гюнтера Хербига, Андриса Нелсонса, Джанандреа Нозеда, Марка Виггльсворта, Андрея Борейко, Василия Петренко, Клауса Мякеля… Великолепно эту симфонию не раз делал Марк Элдер в Роттердаме, Бостоне, с британским «The Halle». Всё это большое подспорье, но с юности у меня, как и у всякого поклонника этой музыки, *poco a poco* складывался собственный, если так можно сказать, идеальный образ звучания партитуры. На всё это потребовались годы, десятилетия. И вот я стал думать, что и Ивану Никифорчину необходимо свое «обретенное время» для подобного накопления. К тому же у него запредельно насыщенный концертный график. Я боялся, что времени сосредоточиться на невероятных сложностях — не только эстетических, логико-композиционных, ремесленных, но и трансцендентных — этой великой партитуры у него просто не будет. Не подставляю ли я его под гильотину? В ряду апокалиптических творений человека эта симфония занимает особое место. Подспудно стал обдумывать некий обходной маневр и намеревался предложить гениальную Пятую, а также кое-что из самого раннего, почти не игранного Шостаковича. Но стоило об этом обмолвиться, как услышал в ответ: «Только Четвертую! Эта музыка уже стала частью меня самого. В ней есть всё, что мне дорого и интересно…» Потом были несколько месяцев «одиночества вдвоем». Имею в виду дирижера и партитуру. Колоссальным «преддверием» для освоения Четвертой симфонии для Ивана Никифорчина стали резонансные исполнения и записи (включая мировые премьеры) шедевров крупнейших отечественных оркестровых композиторов XX века из ближайшего круга Шостаковича — Бориса Чайковского, Моисея Вайнберга, Германа Галынина, Николая Пейко, Георгия Свиридова, Револя Бунина, не говоря уже о грандиозном репертуаре из русской симфонической музыки «золотого» века. Лишь незадолго до записи мы встретились специально по поводу Четвертой симфонии, обсудили принципиальные вопросы, и мне стало ясно, что первый рефлекс не был ошибочным! Никифорчин в буквальном смысле выстрадал собственный образ этой музыки и при этом был невероятно чуток ко всему, что услышал от меня. Тридцатилетний дирижер сейчас в той поре фантастической профессиональной силы, творческой свободы и эйфорического горения, которая идеально соответствует образам музыки, созданной гениальным тридцатилетним автором. Такие пересечения судеб случаются редко. Всё это подтвердилось на первых же репетициях.

ШОСТАКОВИЧ
СИМФОНИЯ №4

Четвертой симфонии Шостаковича посвящена огромная литература. Неоднократно озвучена почти детективная история подготовки и срыва первого исполнения партитуры в 30-е годы. Предложены самые разные, иногда диаметрально противоположные толкования «скрытой» программы монументальной композиции, выявлены все этимологические «источники» грандиозного замысла (Малер и др.). А симфония эта по-прежнему живет своей восхитительно одинокой жизнью, остается сфинксом, частью непостижимой русской художественной и духовной Атлантиды. Тема апокалипсиса — *Русского Апокалипсиса* — по-настоящему была осмыслена в отечественной музыке именно в первой половине XX столетия. При всем, что лексически, образно отличает Четвертую симфонию Шостаковича от Шестой, Седьмой, Десятой симфоний Николая Мясковского, Третьей симфонии и «Симфонических танцев» Сергея Рахманинова, всё это пронизано какой-то удивительной провидческой силой. Идти дальше в объяснении содержательных подтекстов этой партитуры опасно. По счастью, дирижер, как и автор музыки, не усердствует с вербальными объяснениями того, что должно составлять тайну сердца, не делает из этого афишу, не поддается на журналистские приманки, когда неисповедимое, глубоко личное комментируется, как спортивный репортаж. Как у Мандельштама: «*Да обретут мои уста // Первоначальную немоту, // Как кристаллическую ноту, // Что от рождения чиста!..*»

Масштабный трехчастный цикл представляет огромные сложности не только по части многочисленных инструментальных фабержизмов, но и в весьма неординарном модулировании самого течения музыкальной мысли, в бесконечных трансформациях оркестровой кинетики. Метроном подобное не фиксирует. Ивану Никифорчину и Московскому государственному академическому симфоническому оркестру удалось добиться идеального соотношения в ощущении хроноса композиции и оркестровой драматургии. Бытует устойчивое заблуждение: якобы композиционный монументализм в музыке, изобразительном искусстве, литературе, зодчестве сопряжен с неизбежным укрупнением штриха, с вынужденным пренебрежением микроскопическими частностями. Великими монументальные шедевры делает не внешний масштаб, а восхищающая дух идея, выраженная в гармонии мельчайших, иногда ускользающих, намеренно завуалированных деталей — в их совершенной гармонии с целым. Иван Никифорчин уловил, что именно верный агогический импульс, правильная «оптическая» фокусировка звучности и живая пульсация каждой фразы формируют сложнейшую движенческую палитру и, собственно, время композиции, а оно действительно грандиозное, но в трактовке Никифорчина ничуть не «затянутое», как бы *преодоленное*. Есть очень большие книги, читающиеся на одном дыхании и короткие новеллы, дочитать которые без пауз почти невозможно. Ясно, что в случае с Четвертой симфонией для дирижера приоритетным было именно ощущение единого — *объединяющего* — дыхания, что идеально соответствует сложносоставному формованию каждой из трех частей и всего цикла, который не распадается у него на бесчисленное количество «мизанкадров», пусть и очень ярких. Огромные тембровые массивы не мешают услышать обнаженную графику, в которой вызвучен каждый мельчайший элемент в его упругой или взвинченной, мощной или эфемерной, насыщенной или прозрачной, плотной или разреженной пластике. Впечатляет мастерство тембровой филировки

сложнейших комбинаций оркестровой вертикали, оркестровой аккордики. Шостакович в этой партитуре экспериментирует с тембровыми и пространственно-акустическими расстояниями в симметрическом сопряжении полярных по звуко-весу, перспективно удаленных колористических измерений. Некоторые дирижеры решают подобные трудности механически, предметно сближая на записи, например, арфу и контрабасы, флейты и тромбоны, в реальности расположенные на значительных расстояниях в огромном, усиленном оркестре. Это всегда слышно. Конечно, механического ансамбля добиться в таких случаях легче, но кардинально меняется, катастрофически искажается авторский замысел. Замечательно, что звукорежиссер Михаил Спасский — профессионал экстра-класса, великолепно чувствующий неординарный ток времени композиции, изначально исключил любые «химические» манипуляции. Это не просто честность, это — честь по отношению к великой партитуре и ее автору. Нас интересовала поэтическая истина, зафиксированная в уртексте. В огромной дискографии Четвертой симфонии, на самом деле, не много примеров столь органичного воплощения движения как дыхания и едва ли не стихотворного конструирования большой циклической формы, настолько тщательного отношения к мельчайшим деталям в становлении монументальной композиции.

Есть в интерпретации МГАСО и Никифорчина, как и в самой музыке, не сколок эпохи, а дыхание вечности. В огромной дискографии партитуры появился настоящий бриллиант. Уже на репетициях, не говоря уже о самой записи, меня сразила самоотдача всех музыкантов МГАСО. Великолепные солисты, впечатляющий уровень ансамблевой культуры. Реакция на ремарки и замечания, способность концентрироваться и безжалостно тратить себя на редкость замечательные. Чудеса творили все концертмейстеры оркестра. Сто с лишним человек, включая приглашенных музыкантов, работали на едином дыхании, что случается нечасто. Идеальное соотношение частей к целому в этом прекрасном коллективе, включая взаимопонимание руководства, дирижера и музыкантов, заставило вспомнить счастливые времена оркестров Мравинского и Кондрашина.

Трагическая, завораживающая богатством образных и тембровых откровений *русская оркестровая космогония* — так трактует Иван Никифорчин жанрово-поэтическую онтологию Четвертой симфонии Шостаковича. Если бы автор не оставил после себя ничего, кроме этой партитуры, он и в этом случае остался бы в числе титанов — наряду с Брамсом, Брукнером, Малером. Эта музыка, как и всё самое значимое в звукообразном постижении сущего, всегда будет ждать нового открытия и именно в этом заключается не номинальная, а подлинная ее авангардность.

Юрий Абдоков

Московский государственный академический симфонический оркестр (МГАСО) был основан в 1943 году Правительством СССР и является одним из старейших симфонических оркестров России. Первым главным дирижером коллектива стал дирижер Большого театра Народный артист СССР Лев Штейнберг. Затем руководство МГАСО осуществляли такие прославленные советские музыканты, как Леонид Худолей (1945–1948), Николай Аносов (1948–1951), Виктор Смирнов (1951–1953),

Лео Гинзбург (1953–1955), Михаил Тэриан (1955–1960), Вероника Дударова (1960–1989), Павел Коган (1989–2022). Благодаря сотрудничеству с ними оркестр стал одним из лучших симфонических коллективов страны. В 2024 году художественным руководителем МГАСО был назначен Иван Никифорчин, лауреат Первого международного конкурса пианистов, композиторов и дирижеров имени С.В. Рахманинова, лауреат Премии Президента Российской Федерации для молодых деятелей культуры (за вклад в развитие отечественной музыкальной культуры (2024)).

Благодаря разнообразию программ и неизменно высокому уровню их исполнения, коллектив заслужил уважение и любовь слушателей в России и за ее пределами. МГАСО ежегодно дает концерты на ведущих площадках столицы, активно гастролирует по регионам, выступает как с приглашенными российскими дирижерами и солистами, так и с зарубежными маэстро.

Коллектив активно участвует в конкурсах юных исполнителей и открывает путь к профессиональному развитию молодым музыкантам. МГАСО — желанный гость на многочисленных фестивалях.

МГАСО известен исполнением русской и советской классики, в том числе премьерами сочинений Прокофьева, Мясковского, Шостаковича, Глиэра. Визитной карточкой оркестра стали грандиозные монографические циклы полных собраний симфонических сочинений величайших композиторов: Брамса, Бетховена, Шуберта, Шумана, Рихарда Штрауса, Мендельсона, Малера, Брукнера, Сибелиуса, Дворжака, Чайковского, Глазунова, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича, Скрябина, Берлиоза, Дебюсси, Равеля. Масштабные программы коллектива состоят из симфонической, оперной и вокально-симфонической классики, работ современных композиторов, множества забытых и незнакомых слушателям произведений, киномузыки, камерных произведений.

Коллектив создал коллекцию записей, включающую CD и DVD со студийными и «живыми» исполнениями, радио- и телевизионные трансляции. В 2023 году МГАСО принял участие в записи Антологии хоровой музыки Родиона Щедрина к 90-летию композитора. В 2024 году оркестр записал Симфоническую сказку «Петя и волк» Прокофьева и фрагменты музыки из балета «Золотой ключик» Вайнберга. В сентябре 2025 году «Фирма Мелодия» выпустила альбом из симфонических произведений Бориса Чайковского «Открытия и откровения» к 100-летию композитора, записанный МГАСО и Иваном Никифорчиным на Тон-студии «Мосфильм».

МГАСО никогда не останавливается на достигнутом и без устали стремится к еще не завоеванным вершинам.

Иван Никифорчин (р. 1995) принадлежит к числу наиболее известных и востребованных оперно-симфонических дирижеров современной России. Академическое музыкальное образование получил в Московской консерватории имени П.И. Чайковского и аспирантуре (ассистентуре-стажировке) Московской консерватории по классам композиции, оркестровки и оперно-симфонического дирижирования у профессоров Юрия Абдокова и Валерия Полянского. Основатель, художественный руководитель и главный дирижер симфонической капеллы и хора «Академия Русской Музыки». В сентябре 2019 года награжден Международной премией имени Бориса Чайковского, учрежденной крупнейшими представителями мирового музыкального искусства

(Мстислав Ростропович, Рудольф Баршай, Виктор Пикайзен, Карэн Хачатурян и др.) за выдающиеся интерпретации русской оркестровой музыки XX столетия. Значительный общественно-музыкальный резонанс вызвали абонементные циклы Никифорчина «Великие страницы русской музыки XIX–XXI веков» в Московском международном Доме музыки и Московской консерватории. Мастерство дирижера получило международное признание благодаря выпуску компакт-дисков с уникальными монографическими программами для звукозаписывающей компании «Toccata-Classics — London». Записи, осуществленные Никифорчиным, включают в себя первую мировую антологию хоровой музыки Анатолия Лядова и премьерное исполнение всех камерно-оркестровых сочинений Германа Галынина. Оба диска отмечены авторитетными международными наградами *Music Web International*, а также ICMA (International Classical Music Awards). В России компакт-диски стали победителями Международной премии «Чистый звук» (2021). Осуществил первые мировые записи симфонических партитур Бориса Чайковского, Мечислава Вайнберга, Николая Пейко, Юрия Абдокова в рамках проекта Союза композиторов России «Звуковой обзор» (2025). Основу симфонического репертуара дирижера составляют сочинения Глинки, Бородина, Балакирева, Мусоргского, Римского-Корсакова, Петра Чайковского, Глазунова, Лядова, Черепнина, Рахманинова, Аренского, Скрябина, Стравинского, Мясковского, Шостаковича, Прокофьева, Бориса Чайковского, Вайнберга, а также западноевропейская светская и духовная музыка от мастеров барокко до импрессионистов, Рихарда Штрауса и нововенцев. Важной вехой в творческой биографии Ивана Никифорчина стала победа на I Международном конкурсе пианистов, композиторов и дирижеров имени С. В. Рахманинова в 2022 году. Активно сотрудничает с Международной творческой мастерской Юрия Абдокова *Terra Musica* (Россия — Германия — Италия). Выступает практически со всеми крупнейшими симфоническими оркестрами страны: Государственным симфоническим оркестром России имени Евгения Светланова, Большим симфоническим оркестром имени П. И. Чайковского, Национальным филармоническим оркестром России, Российским национальным оркестром, Государственной академической симфонической капеллой России, оркестрами Большого и Мариинского театров, МАМТ имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, Государственным камерным оркестром «Виртуозы Москвы», Королевским оркестром Таиланда (Royal Bangkok Symphony Orchestra) и многими другими коллективами в России и за рубежом. С 2024 года — художественный руководитель Московского государственного академического симфонического оркестра. С 2025 года — главный приглашенный дирижер симфонического оркестра Нижегородской государственной академической филармонии имени М. Ростроповича. В 2025 году возглавил Ямальский молодежный симфонический оркестр (ЯМСО) — уникальный коллектив, базирующийся в Новом Уренгое. Регулярно выступает в ансамбле с ведущими отечественными солистами: Денисом Мацуевым, Николаем Луганским, Вадимом Репиным, Павлом Милюковым, Хиблой Герзмава, Ильдаром Абдразаковым и др. В 2025 году награжден Премией Президента Российской Федерации за вклад в развитие отечественной музыкальной культуры. Лауреат Премии МХТ имени А. П. Чехова (2025). Дирижер года по версии Международной профессиональной премии «BraVo» (2025).

Московский государственный академичеекий симфонический оркестр /
The Moscow State Academic Symphony Orchestra
Фото: Сергей Прокудин-Лемешев / Photo by Sergei Prokudin-Lemeshev

© S. Prokudin-Lemeshev

SHOSTAKOVICH
SYMPHONY NO. 4

"My age, my beast, who will be able
To look into your pupils
And with his own blood glue together
The vertebrae of two centuries?"
Osip Mandelstam

Half a century after his passing and in the year of his 120th anniversary, Dmitri Shostakovich continues to be one of the central figures of the Russian musical noosphere, and this is precisely what makes him an artist of timeless proportions. "It would be particularly important for us to understand Shostakovich's works," writes the great mathematician, Igor Shafarevich, "since during a long and dramatic era (the 1920s-1950s), they most vividly expressed *spiritual life*. At that time, due to its ambiguous interpretation and lesser accessibility for government control, music played roughly the same role as *samizdat* (dissident underground press and self-published books) would in later decades. This era was most vividly and profoundly reflected in the works of Shostakovich; it seems to me that it was he, not Prokofiev, who was able to enter a fourth dimension of beauty and irony, and from there, laugh at both the flock and its rulers…"

"The chronicler of the era," "communist artist," and other fashionable definitions will remain on the conscience of those for whom a convenient label replaces the essence. And the essence is always much more complex. Shostakovich endured all conceivable and unimaginable trials — fire, water, monstrous humiliations and lifetime hagiography, carrots and sticks… But we often forget that the greatest obstacle in the path of an artist of such stature is not the circumstances, whether tragic or fortunate, but… the artist himself. To write the Fourth Symphony at a young age and to live on, not to perish under the weight of his own revelation — that is a lofty destiny. In my youth, during the early 1990s, I attended a meeting of a composers' club and expressed this idea in the presence of Boris Tchaikovsky, who was one of Shostakovich's most brilliant students. The atmosphere was quite nonchalant. Several speakers passionately called for "finally wiping away the dust of Shostakovich-ism, Prokofiev-ism, and Sviridov-ism." This homegrown futurism was ridiculous and absurd. After the meeting, Boris Tchaikovsky came up to me, gave me a firm handshake, and said: "Exactly. Living without replicating oneself after *Lady Macbeth* and the Fourth Symphony — that is what strength means. There's so much there! Don't be embarrassed. In a little while, they'll be singing praises for Shostakovich with equal enthusiasm." And so it was.

A little less than a year ago, Ivan Nikiforchin approached me and said that Irina Shigoreva, the director of the Moscow State Academic Symphony Orchestra (MSASO), had initiated the recording of any of the composer's symphonies for Melodiya in preparation for the 120th anniversary of Shostakovich's birth. The MSASO, one of the country's finest collectives, is in superb form, and almost reflexively, I suggested the Fourth, the composer's most complex and, in my opinion, most multifaceted and perfect score, which encapsulates the full power of his genius. For all his brilliance, Ivan Nikiforchin is remarkably tactful. I recall his words: "Isn't it too soon for me?" I quickly replied: "The time is right." I knew for sure that, in the case of this musician, it was not an offer for growth. As an individual and a top-tier professional, he was one hundred percent ready to climb this orchestral Everest. A couple of months after our conversation, I, not him, began to have doubts. I remembered how we played this symphony with Boris Tchaikovsky four hands, reading the score that Shostakovich had given him, and everything

Tchaikovsky said about it at the time. It is a veritable orchestral cosmos. Kirill Kondrashin, who premiered the symphony in 1961, a quarter-century after its composition, invited Boris Tchaikovsky to attend rehearsals prior to the studio recording. Kondrashin memorized many of the composer's remarks, including his wishes. The discography for this opus is quite extensive. These are the legendary studio and broadcast recordings by Kirill Kondrashin, Bernard Haitink, Eugene Ormandy, as well as the fascinating readings by Myung-Whun Chung, Mariss Jansons, Karel Ančerl, Neeme Järvi, Herbert Kegel, Rudolf Barshai, Gennady Rozhdestvensky, Mstislav Rostropovich, Simon Rattle, Valery Gergiev, Esa-Pekka Salonen, Günther Herbig, Andris Nelsons, Gianandrea Noseda, Mark Wigglesworth, Andrey Boreyko, Vasily Petrenko, Klaus Mäkelä… Mark Elder has performed this symphony magnificently many times in Rotterdam, Boston, and with the British orchestra The Hallé. All this has been a great help, but since my youth, as every admirer of this music does, I have been *poco a poco* developing my own, so to speak, ideal image of the sound of the score. All this has taken years, even decades. And so, I began to realize that Ivan Nikiforchin also needed his "recovered time" for such accumulation. Moreover, his concert schedule was incredibly busy. I feared that he simply would not have enough time to focus on the incredible complexity — not only the aesthetic, logical, compositional, and technical aspects, but also the transcendental ones — of this great score. Was I setting him up for the guillotine? Among the apocalyptic works of man, this symphony has a special place. I began to surreptitiously consider a workaround and intended to suggest the brilliant Fifth, as well as some of Shostakovich's earliest and rarely performed works. But as soon as I brought it up, I heard in response: "Only the Fourth! This music has become a part of me. It contains everything that is dear and interesting to me." Then there were several months of "loneliness for two." I am referring to the conductor and the score. Ivan Nikiforchin's tremendous prelude to mastering the Fourth Symphony was provided by resonant performances and recordings, including world premieres, of masterpieces by some of the greatest Russian orchestral composers of the 20th century from Shostakovich's inner circle — Boris Tchaikovsky, Mieczysław Weinberg, German Galynin, Nikolai Peiko, Georgy Sviridov, Revol Bunin — not to mention the vast repertoire of Russian symphonic music from the golden age. It was not until shortly before the recording that we specifically met to focus on the Fourth Symphony and discuss fundamental issues, and it became clear to me that my initial reflex was correct! Nikiforchin had literally experienced his own personal vision of this music, yet he was incredibly attentive to everything he heard from me. The thirty-year-old conductor was going through a period of incredible professional power, creative freedom, and euphoric fervor that perfectly matched the musical images created by the thirty-year-old genius composer. Such intersections of fates are rare. All of this was confirmed during the very first rehearsals.

Shostakovich's Fourth Symphony has been the subject of extensive literature. The nearly detective-like tale of the score's creation and subsequent failure to perform it in the 1930s has been retold. A wide range of interpretations of the "hidden" program of this monumental composition has been offered, sometimes with diametrically opposing views, and all the etymological "sources" of the grandiose concept have been identified (Mahler et al.). And this symphony continues to live its delightfully solitary life, remaining a sphinx, a part of the incomprehensible Russian artistic and spiritual Atlantis. The theme of the apocalypse — *the Russian Apocalypse* — was truly explored in Russian music

during the first half of the 20th century. Despite all the lexical and figurative differences between Shostakovich's Fourth Symphony and Nikolai Myaskovsky's Sixth, Seventh, and Tenth Symphonies, as well as Sergei Rachmaninoff's Third Symphony and *Symphonic Dances*, all of them are imbued with certain astonishing prophetic power. To go further into explaining the subtextual implications of this score would be risky. Fortunately, the conductor, like the composer, does not overdo it with verbal explanations of what should constitute the secret of the heart, does not turn it into a showpiece, and does not succumb to journalistic bait, when the inscrutable and deeply personal is commented on as if it were sports coverage. As Mandelstam wrote: "May my lips attain // Their original dumbness, // Like a crystalline note // That is pure from its birth!"

This large-scale three-movement cycle presents enormous challenges not only in terms of its numerous instrumental Fabergé-isms, but also in its highly unusual modulation of the flow of musical thought and in the endless transformations of orchestral kinetics. A metronome is unable to capture such things. Ivan Nikiforchin and the Moscow State Academic Symphony Orchestra have achieved a perfect balance between the composition's Kronos and the orchestral drama. There is a persistent misconception: supposedly, compositional monumentalism in music, fine art, literature, and architecture is associated with an inevitable enlargement of the stroke and a forced disregard for microscopic details. What makes monumental masterpieces great is not their external scale, but the breathtaking idea expressed through the harmony of the smallest, sometimes elusive and intentionally veiled details — in their perfect harmony with the whole. Ivan Nikiforchin grasped that it was precisely the right agogic impulse, the correct "optical" focus of sonority, and the vibrant pulsation of each phrase that shaped the complex motion palette and, indeed, the time of the composition. While it is indeed grandiose, Nikiforchin's interpretation is not at all "protracted," as if it were *overcome*. There are very long books that can be read in a single sitting, and there are also short novellas that are almost impossible to finish without taking pauses. It is clear that in the Fourth Symphony, the conductor's priority was precisely the sense of a single — *unifying* — breath, which perfectly matches the complex formation of each of the three movements and the entire cycle, which he does not disintegrate into countless "mis-en-frames," however vivid they may be. The vast array of timbres does not obscure the naked graphic quality, which exposes every tiny element, whether it is elastic or agitated, powerful or ephemeral, rich or transparent, dense or sparse in its plasticity. The mastery of the timbral finesse of the most complex combinations of orchestral verticality and orchestral chordica is impressive. In this score, Shostakovich explores timbral and spatial acoustic distances in a symmetrical juxtaposition of polar, in terms of sound vs weight, and prospectively distant coloristic dimensions. During the recording process, some conductors solve these challenges mechanically by bringing together instruments that are actually located at a great distance from each other in a large, amplified orchestra, such as the harp and double basses, or flutes and trombones. This is always audible. Of course, a mechanical ensemble can be easier to achieve in some cases, but it can radically alter and catastrophically distort the composer's intent. It is remarkable that sound engineer Mikhail Spassky, a top-notch professional with a keen sense of the unique time flow of the composition, ruled out any "chemical" manipulation from the start. This is not just an act of honesty, but an honor to the great score and its composer. We were interested in the poetic truth captured in the urtext. In fact, the extensive discography of the Fourth

Symphony includes few examples of such a natural embodiment of motion as breath, of an almost poetic construction of a large cyclical form, of such meticulous attention to the smallest details in the development of this monumental composition.

As in the music itself, it is a breath of eternity, rather than a fragment of an era, that is contained in the interpretation of the MSASO and Nikiforchin. The extensive discography of the score can now boast a new gem. Even during rehearsals, let alone the recording process, I was struck by the dedication of all the MSASO musicians. The soloists are amazing, and the ensemble culture is impressive. The response to my remarks and comments, the ability to focus, and the relentless effort were all exceptionally remarkable. All the orchestra's concertmasters performed miracles. Over a hundred people, including guest musicians, worked together in harmony, which is a rare occurrence. The perfect balance between parts and the whole of this wonderful collective, including the mutual understanding between the management, conductor, and musicians, brought back memories of the happy days of Mravinsky's and Kondrashin's orchestras.

A tragic *Russian orchestral cosmogony*, captivating in its richness of imagery and timbral revelations — this is how Ivan Nikiforchin interprets the genre and poetic ontology of Shostakovich's Fourth Symphony. Even if the composer had left nothing but this score, he would still have been considered one of the titans — alongside Brahms, Bruckner, and Mahler. Like everything most significant in the sound- and image-based comprehension of existence, this music will always be waiting to be rediscovered and that is precisely where its true, not nominal, avant-garde nature lies.

Yuri Abdokov

The Moscow State Academic Symphony Orchestra (MSASO) was founded in 1943 by the Government of the USSR and is one of the oldest symphony orchestras in Russia. In September 2026, the orchestra is opening its 84th concert season.

Due to the variety of programs and the consistently high level of their performance, the orchestra has earned the respect and love of listeners in Russia and abroad. The MSASO annually gives concerts at the leading venues of Moscow, actively tours in the regions, performs with invited Russian conductors and soloists, as well as with foreign maestros.

The orchestra actively participates in youth competitions, paving the way for the professional development of young musicians. In 2024 and 2026, the MSASO was an invited orchestra of the International Yamal Symphony Competition for Young Musicians. The MSASO is a resident orchestra of the Partitura All-Russian Competition of Young Composers, which is being held in 2026 for the fourth time.

The MSASO takes part in numerous festivals, including the *Hibla Gerzmava Invites* Music Festival, the Zaryadye Winter and Summer Music Festivals, and the All-Russian Philharmonic Seasons program of the Ministry of Culture of the Russian Federation. In 2024, the orchestra became a resident of the Territory of the World — Territory of Music Festival in Kaliningrad and took part in the 10th International Gavrilinsky Music Festival in Vologda. This was followed by performances at the 5th Cantata International Classical Music Festival in 2025, as well as the 13th Transsiberian Art-Festival and the 1st Naryn-Kala Classical Music Festival in 2026.

Lev Steinberg, People's Artist of the USSR, conductor of the Bolshoi Theater, became the first chief conductor of the orchestra. He led the MSASO

until the end of his life (1945). Then the leadership of the MSASO was carried out by such famous Soviet musicians as Leonid Khudolei (1945–1948), Nikolai Anosov (1948–1951), Viktor Smirnov (1951–1953), Leo Ginzburg (1953–1955), Mikhail Terian (1955–1960), Veronika Dudarova (1960–1989), Pavel Kogan (1989–2022). Thanks to their collaboration, the orchestra has become one of the best symphonic ensembles in the country. In 2024, Ivan Nikiforchin — winner of the 1st International Rachmaninoff Competition for Pianists, Composers, and Conductors and recipient of the Presidential Prize for Young Cultural Figures of the Russian Federation — was appointed artistic director of the MSASO.

The MSASO is known for performing Russian and Soviet classics, including the premieres of works by Prokofiev, Myaskovsky, Shostakovich, and Glière. The orchestra's hallmark is the grandiose monographic cycles of complete symphonic works by the greatest composers, such as Brahms, Beethoven, Schubert, Schumann, R. Strauss, Mendelssohn, Mahler, Bruckner, Sibelius, Dvořák, Tchaikovsky, Glazunov, Rachmaninoff, Prokofiev, Shostakovich, Scriabin, Berlioz, Debussy, Ravel. The orchestra's large-scale programs consist of symphonic, opera, and vocal-symphonic classics, as well as works by contemporary composers, many forgotten and unfamiliar works, OSTs, and chamber music.

The orchestra has created a collection of recordings, including CDs and DVDs with studio and live performances, radio and television broadcasts. In 2023, the MSASO participated in the recording of the anthology of Rodion Shchedrin's choral music dedicated to the composer's 90th birthday. In 2024, the orchestra recorded the symphonic fairy tale *Peter and the Wolf* by Prokofiev and fragments of music from the ballet *The Golden Key* by Weinberg. In August 2025, to commemorate Boris Tchaikovsky's centenary, Melodiya released an album of his works recorded by the MSASO and Ivan Nikiforchin. Expanding this collaboration, September 2026 brings the release of Dmitri Shostakovich's Fourth Symphony. Both projects were captured at the Mosfilm Tone Studio and produced by Mikhail Spassky.

The MSASO regularly appears on federal TV and radio, and its activities are widely covered by the central and regional media of the Russian Federation.

The MSASO constantly produces engaging social media content, building a vibrant online community. Never standing still, the orchestra tirelessly pushes creative boundaries to reach new artistic heights.

Ivan Nikiforchin, born in 1995, is one of the most renowned and sought-after opera and symphony conductors in modern-day Russia. He received his academic musical education at the Tchaikovsky Moscow Conservatory and completed his graduate studies (assistant internship) at the same institution in composition, orchestration, and opera and symphony conducting under the guidance of Professors Yuri Abdokov and Valery Polyansky. He is the founder, artistic director, and principal conductor of the symphony capella and choir Academy of Russian Music. In September 2019, he received the Boris Tchaikovsky International Prize, which was established by prominent musical figures, including Mstislav Rostropovich, Rudolf Barshai, Victor Pikaizen, and Karen Khachaturian, for his outstanding interpretations of 20th-century Russian orchestral music. Nikiforchin's subscription series "Great Pages of Russian Music from the 19th to 21st Centuries" at the Moscow International Performing Arts Center and the Moscow Conservatory has received significant

acclaim from both the public and fellow musicians. The conductor's talent has been internationally recognized through the release of CDs featuring unique monographic programs on the Toccata Classics — London record label. Recordings made by Nikiforchin include the world's first anthology of Anatoly Lyadov's choral music and the premiere performance of the complete chamber and orchestral works of German Galynin. Both CDs have received prestigious international awards from Music Web International and the ICMA (International Classical Music Awards). In Russia, the CDs won the International Pure Sound Award in 2021. Ivan Nikiforchin recorded the world's first performances of symphonic scores by Boris Tchaikovsky, Mieczysław Weinberg, Nikolai Peiko, and Yuri Abdokov as part of the Union of Composers of Russia's Sound Review project in 2025. The conductor's symphonic repertoire includes works by Glinka, Borodin, Balakirev, Mussorgsky, Rimsky-Korsakov, Pyotr Tchaikovsky, Glazunov, Lyadov, Cherepnin, Rachmaninoff, Arensky, Scriabin, Stravinsky, Myaskovsky, Shostakovich, Prokofiev, Boris Tchaikovsky, Weinberg, as well as Western European secular and sacred music, ranging from the Baroque period to the Impressionist era, along with works by Richard Strauss and the composers of the Second Viennese School. A significant milestone in Ivan Nikiforchin's career was his victory at the 1st International Rachmaninoff Competition for Pianists, Composers, and Conductors in 2022. He has been actively collaborating with the Terra Musica International Creative Workshop led by Yuri Abdokov, which brings together musicians from Russia, Germany, and Italy. He has performed with virtually all of the country's major symphony orchestras, including the Evgeny Svetlanov State Symphony Orchestra of Russia, the Tchaikovsky Symphony Orchestra, the National Philharmonic Orchestra of Russia, the Russian National Orchestra, the State Academic Symphony Capella of Russia, the orchestras from the Bolshoi and Mariinsky theaters, the Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko Moscow Academic Music Theater, the Moscow Virtuosi State Chamber Orchestra, the Royal Bangkok Symphony Orchestra, and many others in Russia and abroad. Since 2024, he has been the artistic director of the Moscow State Academic Symphony Orchestra. Since 2025, he has been the principal guest conductor for the Symphony Orchestra of the Nizhny Novgorod State Academic Philharmonic Society named after Mstislav Rostropovich. In 2025, he became the leader of the Yamal Youth Symphony Orchestra (YYSO), a unique collective based in Novy Urengoy. He has regularly performed with some of Russia's leading soloists, including Denis Matsuev, Nikolai Lugansky, Vadim Repin, Pavel Milyukov, Hibla Gerzmava, and Ildar Abdrazakov. In 2025, he received the Russian Presidential Prize for his significant contribution to the advancement of Russian musical culture. Additionally, he is a recipient of the Chekhov Moscow Art Theater Prize (2025). He was also named Conductor of the Year at the BraVo International Professional Awards in 2025.

РУКОВОДИТЕЛИ ПРОЕКТА:	PROJECT SUPERVISOR — ANDREY KRICHEVSKIY
АНДРЕЙ КРИЧЕВСКИЙ, КАРИНА АБРАМЯН	LABEL MANAGER — KARINA ABRAMYAN
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР — ТАТЬЯНА КАЗАРНОВСКАЯ	RELEASE EDITOR — TATIANA KAZARNOVSKAYA
МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА — МАРИНА СЫНКОВА	PROJECT MANAGER — MARINA SYNKOVA
ДИЗАЙН — ГРИГОРИЙ ЖУКОВ	DESIGN — GRIGORY ZHUKOV
ПЕРЕВОД — НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ	TRANSLATION — NIKOLAI KUZNETSOV
ФОТО : СЕРГЕЙ ПРОКУДИН-ЛЕМЕШЕВ, ЛЕВ ИВАНОВ	PHOTOS: SERGEI PROKUDIN-LEMESHEV, LEV IVANOV
КОРРЕКТОРЫ: МАРГАРИТА КРУГЛОВА, ОЛЬГА ПАРАНИЧЕВА	PROOFREADERS: MARGARITA KRUGLOVA, OLGA PARANICHEVA
ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ: ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ, КРИСТИНА ХРУСТАЛЁВА	DIGITAL RELEASE: DMITRY MASLYAKOV, KRISTINA KHRUSTALEVA

MEL CO 1787

© И ℗ МГАСО ПО ЛИЦЕНЗИИ АО ФИРМА МЕЛОДИЯ, 2026
АО «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 2026. 127055, Г. МОСКВА, УЛ. НОВОСЛОБОДСКАЯ, Д. 73, СТР. 1, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORISED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIYA», NOVOSLOBODSKAYA STREET 73, BUILDING 1, MOSCOW, 127005, RUSSIA, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORISED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

/FIRMAMELODIYA

MELODY.SU